

Татьяна ЯНКОВСКАЯ

МОНОЛОГ ПЕДИКЮРШИ

Как обаятельны (для тех, кто понимает)
Все наши глупости и мелкие злодейства.
Булат Окуджава.

Здравствуй, Танечка! Раздевайтесь, не сопротивляйтесь. Подождите, сейчас я с этой старухой быстро разделаюсь. Спрашиваете, как дела? Ну какие в Америке могут быть дела? Вот в Рашке были дела! Стоял в очереди за бананами, давали по два килограмма, а ты взял четыре — это дело! Туфли чехословацкие лакированные купила, только десять рублей переплатила — это дело! Апельсины без очереди взял, мясо с черного хода вынес — вот это все дела! А здесь что? Никаких дел. Скука.

Ирочка, привет! На стрижку к Тони пришла? Подожди, я тебе сейчас голову помою. Да как жизнь? Жисть — держись, упадешь — не подымут. Танечка, берите пока конфетку, чтоб в ротике было нескучно. Ира, ты что?! Крыша у тебя поехала? Чаевые она мне дает! Еще чего выдумала. Столько мне услуг сделала!

В Одессе у нас в парикмахерской большими буквами на стене было написано: "Позор тем, кто дает! Позор тем, кто берет!" А начальница наша — ну чисто комсомолка. А я ротатая, и все к ней приставала, чтоб вывеску эту снять. А она мне: "Ты тут нам, Фаина, устроишь вырванные годы!" А нам что эти чаевые? Копейки! Мы там деньги делали — покупали, продавали. Клиентура у нас была богатая, большие дела крутились.

Вот ювелир у меня был в Одессе хороший. Я покупала обручальные кольца — у меня девочки были знакомые в магазине для новобрачных, несла ему, и он такие кольца делал, такие серьги: с рубинами, с другими камнями — таких нигде не найдешь. Надену я серьги, кольцо, наведу марафет и иду к ювелирному магазину к открытию. А там уже очередь стоит, ждут, что выбросят. Я к началу очереди подойду и как бы невзначай: "А что сегодня привезут? Что слышно?" А сама так волосы поправляю, воротник. Они все: "Ой, женщина, какое у вас кольцо красивое! Какие серьжки! Продайте, а? Вы здесь живете, вы себе еще достанете, а мы специально приехали, неизвестно еще, что сегодня выкинут". А я: "Да нет, не могу, это такой дорогой гарнитур! Другой такой нигде не найдете". Ну, поломаюсь, цену понабиваю, а потом говорю: "Ну ладно уж, за хорошую цену уступлю". Деньги в карман — дело в шляпе. Вот так и крутились. Весело было жить.

У меня же квартира была шикарная, дачу снимала на Фонтане. Курортники приезжали, я оденусь, иду вся такая из себя — я-тебе-дам! Я же не крестьянка какая-нибудь. Европа! Вот мне здесь все говорят: "Зачем же ты приехала, если ты там так хорошо жила?" — "Да, — говорю, — нет ума — считай, калека". Вот как клиентки наши, старухи эти — волос мало, а мозгов еще меньше.

А по воскресеньям в три часа утра к дому подходило такси. Я брала большой мешок, фонарик, надевала парик, и мы с девочками ехали на толчок. Мы шли по рядам, светили фонариком и покупали сапоги, купальники — всё. А утром продавали на двадцать — тридцать рублей дорожку. Я брала только свой размер: если спросят — купила для себя, не подходит, принесла продавать. Лифчик покупала себе на пять размеров больше — специально, чтоб деньги складывать.

Один раз забрали в милицию. Начинают допрашивать, я время тяну. А тут два часа, у них пересменка. Мой милиционер сдает меня молодому: "Вот, закончишь тут со спекулянткой". Смотрю я на них — все они там пьют, тоже каждый смотрит, где урвать, я вынимаю десятку и говорю этому молодому: "Слушай, давай-ка, парень, ты меня не видел, не знаешь, покажи-ка, где тут у вас черный ход". Он как увидел десятку, аж затрясся. Пошел, незаметно вывел меня к задней двери, ну я и уткнула. И обратно на базар.

Куда вы в отпуск едете, Танечка? Мы тоже в прошлом году на острова ездили. Все включено. Чисто, конечно, и еда вкусная, но там ведь делать совсем нечего. Что я, пришла на

пляж — так мне скучно! И солнце так и жарит. Ну, я пошла в бассейн, там деревья, тень. Никого нет, а полотенца все разложили, места заняли. Смотрю, лежит дорогое полотенце, Валентино-шмалентино, значит, думаю, наши, из Рашки. Показать, что они за 50 — 60 долларов полотенце купить могут. Я взяла, скинула его и легла. Потом пришла одна — и правда, из наших — рот открыла. Так как она его открыла, так она его и закрыла. Всё! У меня разговор короткий.

Хорошо было отдыхать в Румынии. Там такое лечение! Только с едой плохо было. Но нас предупредили, мы взяли с собой сухую колбасу, шпроты. Там ведь на море не аппетит, а само летит. Кормили нас этой ихней кашей, мамалыгой. Семке нравилось. А потом придем на пляж, я сижу, как королева, кушаю шпроты прямо из банки. Другие смотрят — им завидно. Хотели оттуда в Одессу съездить, но не получилось, только в прошлом году, наконец, съездили.

Лису себе из Рашки привезла. Сема говорит: "Зачем она тебе?" А я: "Хочу, и все!" Мы были на круизе, так когда обратно из Одессы на корабле отплыли, нас так трясина на таможене! Одна говорит: "Мы хотим вам сделать личный досмотр". Ну, я, конечно, раскрыла рот: "Да что там досматривать? Вот, все видно в этих ваших мешках дырявых!" А нам родственники чего-то там в авоськи положили по мелочи. А они все шуруют. "Да можете вы сказать, что вы там ищете?" — ору. А она мне: "Мы землю ищем". — "Какую землю?! Вы что, офонарели?" А она мне — дескать, многие приезжают за родной землей, накопили и в мешочке увозят. Твою мать! Сколько буду жить, никогда такого не услышу. Землю они искали! А Сема потом говорит: "А все-таки они дернули банку черной икры". Родная земля, чтоб они провалились!

Мой отец был прекрасный маляр, его вся Одесса знала. Если у него бывала калымная работа (например, рубль триста), мне всегда 10 — 15 рублей перепладало. Было нас четверо детей, но он всегда почему-то меня выделял, может быть, потому что я такая же отороженная, как и он. Он говорил: "Если не хочешь быть нищей, нужно быть аферисткой". А я все на ус мотала. Мне еще пятнадцать не было, я уже знала: не подмажешь — не поедешь. Папа меня часто с собой брал. Если клиенту скажет: пятьсот рублей, то всё. Четыреста пятьдесят, даже четыреста девяносто — нет. Такой у него вкус был! Приходили все на его работу смотреть. А он так встанет, руки на груди сложит и молчит, любит своей работой. Мне папа говорил: "Главное — знай себе цену. Будешь знать себе цену — все будут знать тебе цену. Как себя поставишь, так все и пойдет".

Вот Зиночка, моя подружка еще со школы. Когда она замуж выходила, свекровь очень ее не хотела, потому что она не из богатой семьи. Как будто в Одессе все мультимиллионеры! Они все равно поженились, потому что парень очень ее любил. Свекровь знать ее не желала, они комнату где-то снимали. А когда у Зины дочка родилась, свекровь стала их звать к себе жить. Очень ей внучку хотелось, а от старшего сына внук был. Квартира была большая, Зина с мужем переехали. Свекровь со старшей невесткой сразу забыли, что только что волосы на голове друг другу рвали, объединились и стали над Зиной издеваться. Поедят все, гору грязной посуды оставят и ее заставляют мыть, все свои грязные тряпки несут ей стирать. В общем, как Золушка, она у них жила. Каждый день плакала, а слово сказать боялась.

Раз прихожу я к ней, а у нее вид — на море и обратно. Привела меня на кухню и показывает: все завалено кастрюлями, горшками, сковородками грязными, посуда навалена — это они ей все помыть оставили. Я ей говорю: "Слушай меня. Если ты хочешь, чтоб они тебя уважали, знаешь, что ты должна сделать? Ты должна им эти кастрюли на головы надеть!" Она перепугалась: "Они же меня убьют!" — "Не убьют. У тебя другого выхода нет. Хочешь жить, как человек, делай, как я скажу. Я сейчас выйду, пока они меня не увидели, а как они войдут, ты им все это на головы и надень". Ну, зашли они, рот на нее раскрыли, а она свекрови каза-

нок из-под жаркого на голову надела. А невестке — сковороду. Да еще взяла половник и стала по сковородке бить. А я стою под окном и хлопаю, как в театре, мне же все через окно видно. Так они такой крик подняли — весь двор сбежался. И мужья из комнат повскакивали, стали в кухню ломиться. А я ей сказала: "Ты дверь закрой на крючок, чтоб никто не мог войти". Она так и сделала. Ну, взломали мужики дверь, в конце концов, ворвались — и не знают: или им смеяться, или что. У свекрови по лицу соус мясной течет, у невестки масло подгорелое, голоса обе. А на Зиночку сердиться тоже не могут: они ведь все знали, что она ангел, это я знала, что она идиотка. Понимают, что, видно, достали они ее. И что вы думаете? Они ей потом задницу целовали!

Мы когда в Нью-Йорк приехали, тут уже жила моя подружка Муса. Так она за меня хозяйку своему говорила. Звонит он мне по телефону. А у меня такой английский — с ним только на Брайтон. Я не знаю, что там он мне говорил, но я знаю, что я ему говорила. Когда он услышал, сколько я хочу, он стал смеяться. Сказал, чтобы я пришла. Прихожу. На мне весь наряд — десять долларов, но выглядит все хорошо. Брюки малиновые за колено, вот такой каблук, волосы кудрявые до плеч, гущая брюнетка, так выглядела — я-тебе-дам! И так себя преподнесла, он мне сразу сказал: "Я вас беру". Сначала он взял меня на три дня в неделю, а уже через неделю сказал: "Я тебя хочу на пять дней в неделю". Конечно, я работаю быстро — пока Муса с одним клиентом возится, я троих делаю. И все довольны были.

Недавно Тони нас всех на свадьбу своей дочке пригласил. Я так оделась, так себя преподнесла — как будто я дочь графа Потоцкого. В оперных костюмах, мне его из Франции привезли. Черный, на юбке ниже колена нашита лиса в пять рядов, вот такой вырез фигурный, и я надела бриллиантовое колье вместо пёрлов, тоже фигурное, и кольцо. Это стет, гарнитур — шестнадцать тысяч стоило! И лису свою надела. Они все упали! Так что я им на всякий случай показала, кто я такая, если они раньше не знали.

Однажды, давно уже, была я в Сан-Франциско на свадьбе. Столько там было красивых русских мальчиков! Я у подружки спрашиваю: "А где же девочки?" Она мне говорит: "Да они же все гомосеки!" Потом выпили, стали танцевать. Ну, сначала ничего не заметно, на еврейских свадьбах мужчины и так отдельно танцуют, а потом смотрю — мать моя! — разобрались по парам, обжимаются по углам. Я такого никогда не видела. И так мне страшно стало — а вдруг Леню моего сманят? Ему тогда шестнадцать лет было, он уже с девочкой встречался. Вернулась я в Нью-Йорк и говорю ему: "Леня, тебе Любочка нравится?" — "Да". — "А ты с ней спишь?" — "Нет". — "А почему?" Он так удивился. Говорит: "Мне ее некуда привести". — "В чем дело?" — говорю. — Приводи ее сюда!" Ну, он и привел. Я Лене сказала: "Со всеми не переспихи, но к этому нужно стремиться". Это ему так понравилось! Ну, а теперь — хо-хо! Ничего говорить не надо.

Потом я работала у одного голубого в салоне. Он хорошо ко мне относился. Стрижет бесподобно. Я к нему не хожу только потому, что он с меня денег не возьмет, а я так не хочу. Он у меня педикюр, маникюр делал, потом бикини стал делать. И дружки его стали ко мне ходить. Волосы с тела удаляли. Я их чистила, как курей! Мальчики они не бедные, хорошие типы мне оставляли. Другие девочки в салоне брезговали, а мне это чисто по барабану: мне деньги были нужны, у меня мальчики в школе учились. И как учились! Такие оба способные. Жора — тот тихий, а у Лени язык подвешен, как лопата, он если 95% за тест получит, уже доволен и все с учителями спорит! Даже если 100% — и то бывал недоволен, требовал, чтобы с плюсом. И всегда добивался своего. Ну чисто отморозенный!

Они у меня такие грамотные все, аж противно. Газеты читают, как придут, так с Семкой начинают за политику говорить. Меня стыдят: "А ты почему новости не смотришь?" — "Зачем? — говорю. — Все равно я им ничем по-

мочь не могу". — "И тебе не стыдно?" — "Мне? Стыдно? Обижаете! И что это вы тут мне партсобрание устраиваете?" — "Леня спрашивает: "А что такое партсобрание?" — "Пусть тебе отец объяснит, он в комсомоле был". А Семка: "Но в партии же не был!" — "Какая разница?" — говорю. А сама я и в комсомоле не была. Когда в девятом классе нас стали принимать, меня классная уговаривала — ты, мол, должна. А я говорю — ничего я никому не должна. Я уже тогда это твердо усвоила. "Но так ведь жить нельзя!" — "Можно, поверьте мне, Софья Борисовна. А собрания ихние меня не интересуют". — "Что же тебя интересует?" — "Пойти на толчок, за рубль купить, за три продать — вот это меня интересует". Она чуть не трохнулась: "Ты, Фаина, смотри, никому это не говори, с тобой никто дружить не будет". — "Не будут — так я переживу этот цорес!" — "Ш-ш-ш! Нельзя в школе такие слова говорить!"

Когда мы сюда ехали, Леня маленький был, четыре года, и ему все хочется — мороженое там, шоколад. А я говорю: "Мы в капиталистической стране, тут все должны деньги зарабатывать". А он у меня умел ушами двигать — и вверх-вниз, и взад-вперед, и вращать. У Жоры не было такого таланта. И вот мы на пляж придем, я ему волосы кудрявые уберу в косички, чтоб уши было видно, и говорю: "Ну, иди, покажи им цирк. К русским не подходи, только к итальянцам". Так он мне целый мешок мелочи приносил! И тогда мы идем на качели, на карусели, лимонад ему покупаю, конфеты. Так он до сих пор мне говорит: "Я все помню, как ты меня на преступление толкала, послышала ушами шевелить на пляже!" — "Какое же это преступление? У тебя же талант! Ты им цирк показывал, а за цирк надо платить". А что? За бесplatно папа маму не целует!

В Италии я Семку на работу устроила. Он работал сорок восемь часов в сутки. Днем в ателье, вечером дома. Он с собой швейную машинку привез. Наши же эмигранты все себе покупают, и кому ушить только, кому подкоротить. Я Семе говорю: "Ну, только работай, а я буду цены назначать". Клиентов я ему легко находила. Смотрела: если одеты так себе, то одна цена, а если приходит такая вся из себя — я-тебе-дам! — то цена, конечно, выше. Они в крик: "Грабители! Три мили! Ну, две — еще куда не шло!" — "За две, — говорю, — идите к итальянцам. Они вам такую цену назначат, мало не покажется". Ну и куда им деваться: итальянцы-то с них двенадцать — четырнадцать миль возьмут, а тут три. У наших, конечно, денег мало, им каждая миля — деньги. Семе вроде неудобно, так я ему говорю: "Будешь даром работать, не буду при свете спать. А будешь деньги зарабатывать, то и при свете поспишь". Так они там все Семку любили: "Ах, такой милый человек! А жена у него — ну просто грабительница!"

Одна у меня была знакомая, русская, муж у нее еврей. Так он первый в Америку уехал, а ее с ребенком оставил. Думал, наверное, что в Америке себе получше найдет. Ну, никого он не нашел и ее вызвал. Мы с ней вместе эмиграцию проходили. Она себе в Италии и любовника завела. Так и надо! Я ей сказала: он в сторону — и ты в сторону. Раз приехали мы с ней в Риме на Круглый рынок. Там же так все дешево было: куры там, мясо, я знаю? — двадцать копеек. Двадцать копеек, а я еще торгуюсь, она же торговаться не умеет. Ну, ходим мы так часа два, я ей все байки рассказываю. В паузах одесский мат вставляю, а иначе же никакого удовольствия! Потом остановились, а за нами стоит какая-то пожилая пара. И вдруг этот мужчина мне говорит: "Вы, конечно, из Одессы. Это ясно, тут и объяснять ничего не надо. Вот мы с женой уже два часа за вами ходим, слушаем. Вы так хорошо говорите!" Ну, я ему, конечно, выдала — это ж надо, без предупреждения ходили подслушивали! Потом мы с ним подружались. Они визы в Австралию ждали. Пока ждали, он всюду за мной ходил — и на пляж, и на пятючок, где по вечерам все русские собирались, записывал что-то в блокнотик. Я ему сказала — тут полно одесситов, идите их слушайте. А он говорит — нет, это все не то. Я не спросила, кто он по профессии — какое мне дело!

Так вы когда хотите снова прийти, Танечка? В среду? Конечно, можно! У нас все можно, даже то, что нельзя. Так я вас тогда на три часа забую!

США, Нью-Йорк.

Валерий ЮХИМОВ

какой новоросс
назовет баклажан — баклажаном,
где ссыльный коллежский
с внештатной delatrice жуанил,
оставившей память в его почеркушках,
и греческий профиль
дрожит над песчаной косой
каролино полетом дроздофил.

на траверзе отмель,
и нужно держаться мористой,
а берег — как спаржа на блюде,
до самого-самого истра,
на север начнутся обрывы,
баркасы, что ищут улова,
обрывы — как срезанный торт
с маяком крем-брюлова.

санжейка, жестянка,
на крыше гремит заржавейка,
когда поддувает норд-ост
и уносится узкоколейка,
и жена у умбра в обвале
съедается охристым морем,
и пляж отступает под стену
и там погибает героем.

обрыв — что палитра
безумного имажиниста:
сиена, маджента,
оранжевый крупнозернистый...
краплагом прочерчены тени
и редкие здесь горожане,
которые к вечеру формой и цветом —
а-ля баклажаны.

...а можно было б выпить за герберы.
июльский вечер тенями со склонов
тянулся к морю, выбирая сети,
заброшенные в полдень на купальщиц,
неосторожно вышедших на берег
и тенью уподобившихся йети,

в специальном военморском пируэте
на траверзе сновал торпедный катер,
чтоб увильнуть от собственной торпеды,
цикад античный хор козлинорогий
откупорил прощальное спуманте,
и катер поглотило vinho verde,

мазнув помадой полосу на рейде.
шипение свернувшегося угля
при виде свежепойманной ставриды
предвосхищает славное застолье,
согласно мореходному поверью,
когда пунктир прочертят аквариды,

пролитые растяпой ганимедом.

Украина, Киев.